

УДК 32

Демократический транзит: предпосылки, приоритеты, стратегии (анализ российского опыта)

Тян Валентин Васильевич

Кандидат исторических наук,
доцент,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82-84;
e-mail: tian39@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы демократического транзита, анализируется российский опыт, обращается внимание на следующие обстоятельства в их логической связи: предпосылки демократического транзита, отсутствие в обществе стремления к возврату к классической демократии, запрос на открытую, публичную власть. В СССР – идеократическом государстве легализовалось мобилизационное (гибридное) государственное управление. Дается авторская трактовка демократического транзита в постсоветском пространстве. С 1991 г. в России начался процесс демократических преобразований. Демократические реформы 90-х годов XX в. – первый этап демократического транзита в России, 2000–2017 гг. – восстановление вертикали власти, разработка в 2006–2007 гг. концепции долгосрочного развития, в конце 2011 г. «Стратегии 2020», проведение административных реформ – второй этап демократического транзита. Обосновывается положение: современный подход в управлении стратегическими процессами, внедрение информационных технологий в систему управления, налаживание обратной связи между субъектом и объектом управления создают условия для демократической легитимации власти.

Для цитирования в научных исследованиях

Тян В.В. Демократический транзит: предпосылки, приоритеты, стратегии (анализ российского опыта) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 3А. С. 171-185.

Ключевые слова

Власть, демократический транзит, предпосылка, приоритет, стратегия, российский, управление, модель, опыт, эволюция.

Введение

Переход многих стран западного политического пространства к демократизации общества после Второй мировой войны, попытки либерализации социализма в европейских странах восточного блока (пресекались руководством СССР) требовали нового теоретического осмысления. В противостоянии двух систем более убедительной становилась демократическая, поскольку в идеократических государствах (коих осталось единицы) государственной собственностью управляют тщательно отобранные люди (анкетам и инструкциям несть числа), большинство же населения не было допущено к управлению путем фильтрации. Поскольку другой собственности, кроме государственной, нет, корпорация управленцев делают все, чтобы удержать власть, ведя массированную атаку на демократические принципы. Но даже в таких странах путь к демократии не закрыт.

Переход в постиндустриальную эпоху традиционных обществ был бесповоротным. Однако политическая модернизация лишь на ранней стадии представлял линейный процесс. Поскольку характер политической модернизации предопределяет власть со множеством функций и ресурсами. Демократизация власти – проблема структурированного общества.

Предпосылки демократического транзита появились в процессе политической модернизации общества. Но не было стремления к возврату к классической демократии. В обществе был приоритетным запрос на открытую, публичную власть. Существовали и теоретические Рассуждения Дж. Локка о разделении властей, очевидно, сыграли свою роль в создании Ш. Монтескье теории о разделении властей. По мнению С.Н. Шевердяева: «Его теория посвящена не разделению властей, а политической свободе. Монтескье рассматривал проблему устройства власти не в связи с эффективностью ее органов или их разнообразием, а в контексте свободы, в контексте «духа законов», о чем вполне однозначно свидетельствует наименование его труда» [Шевердяев, 2014, 29]. Политическая власть системообразующий институт. Он предопределяет характер и открытость политической системы. Вид, сущность, организация этого института – важнейшая научная проблема.

Демократический транзит во второй половине XX в. в Западном политическом пространстве

Во второй половине XX в. движение к открытому обществу, демократической политической системе структурированного общества в западном политическом пространстве было неостановимо. Политические свободы, права человека – это ценности, которых гарантирует только демократия. «Основная процедура демократии – избрание лидеров управляемыми ими людьми путем соревновательных выборов. Наиболее существенную современную формулировку такого понятия демократии дал Йозеф Шумпетер в 1942 г. В своем новаторском исследовании «Капитализм, социализм и демократия» Шумпетер вскрыл недостатки «клас-

сической теории демократии», определявшей последнюю в таких выражениях, как «воля народа» (источник) и «общее благо» (цель). Успешно развенчав подобный подход, он выдвинул «другую теорию демократии» [Хантингтон, 2003, 16], – пишет С. Хантингтон. Далее он утверждает: «Демократический метод, – писал он, – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, при котором отдельные индивиды обретают власть принимать решения в результате конкурентной борьбы за голоса людей» [там же],

По мнению С. Хантингтона, с точки зрения стабильности и необратимости демократического процесса существует три модели перехода к демократии: (1) линейная (классическая), (2) циклическая, (3) диалектическая [там же].

С. Хантингтон выделяет три стадии демократического транзита: «Однако всеобщий процесс демократизации, проходящий до таких выборов и после них, обычно сложен и длителен. Он включает в себя слом недемократического режима, установление режима демократического, а затем – консолидацию демократической системы. Либерализация же, напротив, представляет собой достижение частичной открытости авторитарной системы» [13,19].

«Политическая система недемократична в той мере, в какой наиболее могущественный коллектив принимающих решения не избирается в ходе выборов. Однако понятие демократии подразумевает ограничение власти. При демократическом правлении выборные лица, принимающие решения, не обладают тотальной властью. Они разделяют власть с другими группами в обществе. Но если такие демократически избранные руководители, принимающие решения, становятся просто фасадом, за которым гораздо большую власть приобретает не избранная демократически группа, то данная политическая система, совершенно очевидно, является недемократической» [там же], – утверждает С. Хантингтон. Он также отмечает: «Политические режимы никогда не будут идеально укладываться на мысленно отводимые им полочки, и любой системе классификации придется мириться с существованием неоднозначных, пограничных и смешанных случаев». Следует отметить, что избрание лидера не означает демократичность политической системы.

С. Хантингтон пишет: «...существует вопрос о том, рассматривать ли демократичность и недемократичность как дихотомичную или непрерывную величину». Многие аналитики, в т.ч. С. Хантингтон, предпочли второй подход и разработали критерии демократичности, сочетающие в себе такие показатели, как беспристрастность выборов, ограничения деятельности политических партий, свобода прессы и пр.» [там же]. Следует отметить, нет прямой связи между демократичностью власти и ее эффективностью, но у демократии разнообразие моделей развития и возможность выбора.

С. Хантингтон выделяет три волны демократического транзита. Третья волна демократического транзита началась в 1974 г. и закончилась в 1990 г. Демократический транзит, начавшийся после окончания «холодной войны» волной прокатился по континентам. Демократии были разными с точки зрения демократических ценностей и необходимых параметров. Некоторые политические системы не отвечали таким критериям.

Достигнуто понимание того, что демократический транзит – многофакторный процесс, присущий постиндустриальному обществу, и, по нашему мнению, к числу факторов, определяющих этот процесс, можно отнести: национальная идентичность и государственное единство; экономика; социальные предпосылки; культурные условия; внешнеполитические предпосылки.

Попытки демократизации политической системы в СССР в годы перестройки

Демократический транзит достиг границ СССР и соцлагеря в начале перестройки. Формат социализма пребывал в системном кризисе, усугубившемся бессменным лидерством одной партии. В СССР – идеократическом государстве легализовалось мобилизационное (гибридное) государственное управление (обусловленность типа управления типом власти). После окончания «холодной войны» советское государство поразил общественно-политический кризис. Последствия войны были тяжелыми. Ускорился процесс распада СССР и соцлагеря. Длительная конфронтация привела к чрезмерной бюрократизации режима правления. Очередной курс на ускорение и наведение дисциплины свидетельствовали лишь об усилении неокорпоратизма и неоавторитаризма. Но концепция иррационального (упрощенного) управления адаптировалась к плановой экономике, нормализовала пресечение инициативы с мест. В обществе усиливались мнения в правильности политического курса. Надежды были связаны с политическим курсом, реализуемым генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, который уже был известен внедрением коллективного подряда на сельхозпредприятиях Ставрополя и налаживанием хозяйственных связей в регионе. «Человек нашего общества хочет участвовать во всех делах, и это хорошо. Он отвергает ситуацию, при которой не интересуются его мнением, позицией, когда в нем видят простую рабочую силу, а человека, гражданина в нем не ценят. А вот коллективный подряд, демократия, которая с этим связана, – как раз и поддерживают в человеке гражданина, хозяина», – убежден М.С. Горбачев.

Анализ политического процесса показывает, курс перестройки – частичная демократизация политической системы (Демократическая платформа в КПСС, съезд народных депутатов, институт президентства), не содержащий четкого ориентира в выводе страны из кризиса, сохраняющий морально устаревшую модель управления двуединое (партийно-политическое и директивно-оперативное управление), вызвал раскол элит (союзной и республиканской).

Власти республик относились интенции перестройки неоднозначно. Многие жители республики выражали недовольство действиями союзной власти. Предпосылки к распаду СССР возникли до назначения М.С. Горбачева. Но он в годы перестройки, демократизации не смог приостановить иррациональности управления и легализации манипулятивного

управления в материальном выражении деятельности власти. Не смог переконструировать очередной пятилетний план, который в цифровом оформлении повторял предыдущий, с коррекцией на увеличение или уменьшение в позитивной коннотации. Не мог М.С. Горбачев отказаться от практики советского стратегического планирования, от достигнутого, где смешены цель и целеполагание. Установка на выполнение и перевыполнение плана породила негативные явления. Она же требовала директивного управления. Нет логической связи между эффективностью такого правления и эффективностью советской власти и менеджмента. К тому же, электорального значения у стратегических планов не было.

Демократизация в годы перестройки, по мнению автора, носила декларативный характер. Советский режим с введением института президентства при сохранении прежнего ядра политической системы стал гибридным. Демократизация как процесс не была реализована.

Демократические преобразования в России в 90-е гг. XX в.

Как известно, в начале 1990 г. в России (в составе СССР) была сделана попытка демократического транзита (на исходе третьей волны). Руководству страны была предложена Программа «500 дней» (Г.А.Явлинский, Е.Г. Ясин). Она предусматривала приватизацию и отпуск цен, которые могли ослабить национальную экономику. По мнению автора, программа «500 дней» сыграла свою роль в демократических преобразованиях в России.

Рамки эмпирического исследования позволяют сделать общий вывод: 90-е годы XX в. – это первый этап демократического транзита в России. Демократические преобразования закладывали основы для стабильного развития страны, для укрепления демократического социального государства.

Поскольку в России реформы проводились указами Президента РФ, то они не проходили без помех. Новая политическая система устанавливалась без серьезных для страны эксцессов. Объективная оценка деятельности власти 90-х годов XX в. в России необходима для определения новых ориентиров развития.

На первой стадии демократического транзита – либерализации были ослаблены возможности для легитимации авторитарного правления. Однако традиции и структуризация общества допускали смешанное персонифицировано-инновационное управление. Новый класс крупных бизнесменов, по мнению автора, участвовали в демонтаже советской экономической системы, и решили поддержать первого президента РФ на выборах 1996 г.

С формированием институтов был замечен возрастающий объем «импровизации» в работе системы государственного управления.

По мнению автора, в оценке эффективности проведенных реформ зачастую не учитывают временной фактор. Отсутствие быстрого результата (снижение бедности) воспринимается как провал реформ. Они заработали после ухода из власти первых реформаторов. В этом и противоречивость в оценке деятельности Б.Н. Ельцина, Е.Т. Гайдара и других поли-

тиков России начала 90-х. В конце 90-х г. общество разочарование в либеральных реформах. Но, как утверждает И. Валерстайн: «Отрицание либерального реформизма» наблюдалось во многих странах.

Итак, 90-е годы – годы создания институтов демократического государства. Принятие Конституции РФ, создание массива законов, введение института частной собственности, политические партии, общественные организации. Демократические преобразования 90-х годов XX в. завершили первый этап демократического транзита.

Эволюция российской демократии: вертикализация власти и новые модели управления

После либерализации наступает промежуточный этап – этап постлиберализма. Следует отметить, на этапе постлиберализма неоконсервативная модель политической модернизации (персонификация власти, централизация управления, усиление контроля над саморегулирующимися системами) подвержена моральному старению, но при функционировании институтов гражданского общества.

Итак, с начала 2000-х годов начался второй этап демократического транзита – консолидации, который, по мнению автора, продолжается по настоящее время.

Второй этап – это восстановление вертикали власти, формирование гражданских институтов, взаимодействие этих институтов в деле закрепления основ демократического государства, НКО, реструктурирование собственности крупного бизнеса. Власть установила контроль над крупными собственниками наиболее значимых отраслей экономики. При этом деятельность институтов стало основным трендом консолидации власти. При этом деятельность институтов, по мнению автора, и в настоящее время продолжает корректироваться властью. Их эволюция представляет вид трансформаций. Это связано с неустойчивой политической системой и страновой идентификацией. Избрание нового Президента РФ В.В.Путина предопределило иной темп демократического транзита.

«Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» [Норт, www], утверждает Д. Норт.

Но в разных странах эти изменения происходят по-разному. В России взаимодействие власти с институтами носит традиционный характер. «Во всех («южных» и «восточных») странах «третьей волны» складывается чрезвычайно широкий спектр политических режимов, структур распределения и воспроизводства власти, формируются разные политические системы. В одних завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются

демократические институты и практики, в других такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности авторитарного правления» [Мельвиль, 2007], утверждает А.Ю. Мельвиль. Далее он отмечает: «Сам феномен современных неоавторитарных трансформаций, как и вообще беспрецедентные различия в результатах режимных изменений, ставят перед политологическим сообществом фундаментальную задачу существенного концептуального обновления сложившихся представлений о политических изменениях и политическом развитии с учетом разновекторного характера современных политических трансформаций» [там же].

Так, на втором этапе демократического транзита в России выбор приоритетов. Лидерство или институты в системе управления.

«Неявное знание (термин, предложенный Майклом Поланьи в 1967 году) приобретает частично на практике и только частично может передаваться от одного лица другому; люди имеют разные способности к приобретению неявных знаний. Нельзя научиться играть в теннис только по книгам, и даже приобретая практический опыт, игроки сильно отличаются друг от друга. Умозаключения, которые мы можем сделать по поводу спортивных игр, применимы и ко многим другим навыкам. Самый важный из них – это, пожалуй, предпринимательский навык. Обучение в процессе деятельности имеет место и в организациях; как следует из самого этого термина, речь идет о том, что благодаря многократно повторяющимся актам взаимодействия между сотрудниками организация приобретает навыки координации и вырабатывает устойчивые процедуры работы сотрудников (этой проблеме посвящена работа Нельсона и Уинтера 1982 года)» [Норт, www], пишет Д.Норт.

Современный подход в управлении стратегическими процессами, по мнению автора, важен в легитимации власти. Ряд иностранных и российских исследователей (Ф. Тейлор, А. Файоль и др.) считает, что научная обоснованность управленческих решений повышает их эффективность.

К этому приводит ряд факторов, например, «парадигма нарождающегося стратегического процесса...» [Андерсон и др., 2002, 245], как отмечается в монографии «Менеджмент XXI века» (М. Андерсон, К. Бартлетт, Х. Бучихи и другие авторы).

С определением приоритетов и стратегии развития страны обозначена третья стадия демократического транзита – демократизация (по классификации С. Хантингтона).

Участие неправительственных экспертов в проведении экспертиз проектов и программ, тем более, прогнозировали об увеличении ВВП, снижении уровня безработицы, обозначили наиболее важные социальные приоритеты. Вполне очевидно, «лидерство как коллективный гений» [там же, 68] станет критерием эффективности современного управления.

«В современном обществе государственное управление осуществляется преимущественно в виде создания соответствующими органами и учреждениями норм, носящих деперсонализированный характер и существующих в виде законов и иных общих нормативных

актов. Государственное управление в современном обществе является многоуровневым и необычайно сложным, прежде всего, в силу необычайно разросшегося числа всевозможных государственных организаций и учреждений» [Зеленков, 2009], пишет М.Ю. Зеленков.

В 2006-2007 г. была проведена работа по разработке концепции долгосрочного развития (КДР), способов и методов для повышения благосостояния граждан. Первый вариант в 2006-2007 годах разрабатывали в соответствии с поручением Президента РФ В. Путина Минэкономразвития и другие ведомства. Целью разработки первого варианта Концепции было заявлено «определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе (2008-2020 годы) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе». В конце 2011 г. появилась «Стратегия 2020» (второй вариант КДР), в разработке которой приняли участие эксперты Высшей школы экономики – ВШЭ – Университет и РАНХиГС при Президенте РФ. Стратегия 2020 это второй вариант концепции долгосрочного развития России до 2020 года (сокращенно КДР).

В научной прессе отмечалась: необходимость разработки второго варианта КДР-2020 была обусловлена двумя причинами. Во-первых, утверждение концепции совпало с серьезным усилением мирового финансово-экономического кризиса. До осени 2008 года он затрагивал только развитые страны, но утверждена правительством КДР была уже после того, как экономический кризис начался и в России. В результате КДР оказалась устаревшей, по сути, уже в момент своего принятия. Кризис привел к резкому и глубокому падению экономических показателей и сделал невыполнимыми большинство количественных ориентиров первого этапа реализации КДР-2020, который должен был охватить 2007–2012 года.

- Увеличение продолжительности жизни на 2,5 года;
- роста ВВП на 37–38%;

Все эти показатели из-за кризиса выполнены не были. Во-вторых, ведомственный характер разработки КДР привел к тому, что в ней детально указывались количественные ориентиры, которых следовало достичь к 2020 году в той или иной сфере, но в программе не были детально проанализированы проблемы и вызовы, стоящие перед российской экономикой и обществом. А способы достижения поставленных целей формулировались декларативно.

Подготовка нового варианта стратегии была начата в декабре 2010 года по распоряжению премьера В.В. Путина. На площадках НИУ ВШЭ и РАНХиГС при Президенте РФ были созданы 21 экспертная группа. Результатом работы всех экспертных групп стал «Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика». «Стратегия 2020» была опубликована в 2-х книгах в 2013 г.

В предисловии к книге (Мау В.А., Кузьминов Я.И.) говорится: «Теперь задача – в выходе на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания

соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества. Именно поэтому настоящая Стратегия базируется на двух основаниях – новой модели экономического роста и новой социальной политике»

«Новая модель экономического роста. Обеспечение макроэкономической и социальной стабильности», в подготовке которой приняли участие руководители авторских коллективов Мау В.А. , Рогов К.Ю. , Ясин Е.Г. Ю эксперты Юдаева К.В. и др., представлена в Главе 1.

Эксперты убеждены, что: «условием успеха экономической политики, направленной на формирование новой модели экономического роста, является четкий выбор приоритетов. На наш взгляд, основным приоритетом должен стать выход на максимально высокие темпы сбалансированного экономического роста и стабильность в краткосрочном периоде».

Ускоренный экономический рост в условиях догоняющего развития требует высокой мобильности ресурсов, гибкого отношения к институтам и моделям, высокой реактивности в меняющихся условиях. Динамичный экономический рост в целом характеризуется процессом «созидательного разрушения». В случае догоняющего развития это особенно важно. Те или иные решения могут выглядеть проблемными с точки зрения сохранения стабильности в краткосрочном периоде, однако их непринятие может привести к замедлению экономического роста в среднесрочной и долгосрочной перспективе...».

Спрогнозированные темпы экономического роста разработаны способы и методы по развитию общественных институтов, федерализма, местного самоуправления и др. «Стратегия 2020» требовала серьезного анализа. Вот, например: «РИА Новости приводит детальный анализ Стратегии, из которого следует, что предложения экспертов во многом совпадают с тезисами статей Владимира Путина. Это вполне соответствует задаче, которую ставили перед разработчиками – предложить план эффективных реформ, который не касался бы смены политической системы и структуры управления страной в целом». Следует отметить, имея ориентиры, управление становится более эффективным и рациональным. Для государственного управления Стратегия 2020 стала своего рода дорожной картой, что было отражено в значительном количестве нормативных актов федеральных органов власти.

Непредвиденные изменения в одном из направлений отражаются на возможностях реализации Стратегии. Ухудшение отношений со странами Запада с 2014 года после того как Республика Крым стала субъектом России. Автор исследования отмечает: «Политическое управление в регионе имеет свои особенности, оно вынуждено считаться с региональной идентификацией в критической ситуации. Переход Республики Крым на федеративные отношения, в сферу российской юрисдикции открывает новые возможности для развития» [Тян, 2014, 325]. Но российской власти не удалось избежать экономических санкций ЕС и США против российских организаций и отдельных лиц, которые негативное влияние на развитие экономики. Следом падение цены на нефть (вопреки благоприятным прогнозам для нефтедобывающих стран), политическими решениями остановить падение цены на нефть было невозможно. Все эти факторы повлияли на темпы экономического развития

страны (прогнозируется ежегодный рост ВВП около 2%, что вдвое ниже спрогнозированного в Стратегии 2020).

Укрепление вертикали власти стало мотивированным. Но возврата к практике советского стратегического планирования и директивного управления не предвидится. В Правительстве РФ разработана «Стратегия 2030», учитывающая современные вызовы внешнеполитического окружения.

Таким образом, Стратегия развития становится важным инструментом государственного управления. Переход от директивного управления к сложному типу управления (сетевое, секторальное, с развитой обратной связью, автономное управление в системе стратегического управления) возможен при демократизации власти. При этом разные типы демократии (Р. Даль, Н. Луман, К. Поппер и др. исследователи идеальной, реальной, ущербной, тоталитарной, суверенной, управляемой демократии), суждения И.А. Ильина о народовласти как русской альтернативы демократии как индексация ее эволюции способствуют реализации стратегиями развития.

Вертикаль власти без опоры на социальную горизонталь неустойчива. Общественный договор должен заключаться и перезаключаться. Потому что нелинейность процесса развития общества предопределяет сменяемость лидеров. В тех странах, где происходит процесс демократизации общества, отмечено динамичное развитие. В России взаимосвязь политической либерализации и общественного прогресса имеет подтверждения: либеральный курс императора Александра II и развитие капитализма, политическое затишье после гражданской войны 1922–1927 гг. и достижения НЭПа, либеральный режим Президента РФ Б.Н. Ельцина и демократические преобразования. Эти факты из российской практики. Концепцию созидательного либерализма не могут разрушить, например, практика сталинского правления и принудительной модернизации. Современное общество признать и принять такой вид управления не может.

Компетентность власти в вопросах управления – необходимое условие для легитимации. В этой связи следует отметить, что у разработчиков «Стратегии 2020» появились последователи. Это отдельные эксперты и сотрудники центров научного прогнозирования.

Так, 31 Мая 2017 г. Центр стратегических разработок (руководитель А.Л. Кудрин) сообщил о завершении работы над «Стратегией 2018-2024» с учетом нынешней социально-экономической и политической ситуации в стране.

Представляя Стратегию, Н. Карпова обращает внимание на следующие моменты: «К главным угрозам ЦСР относит потерю Россией статуса технологической державы, замедление темпов роста экономики по сравнению с мировыми, снижение обороноспособности и невозможность обеспечить гражданам достойную жизнь...

На период с 2018 по 2024 год программа устанавливает три приоритета – технологическое развитие, человеческий капитал и современное государство. Практическая имплементация стратегии предполагает реализацию 14 программ... посвященным глобализации,

развитию технологий, соцподдержке незащищенных категорий населения, здоровью граждан, формированию городской среды и трансформации госуправления. Внутри программы делятся на 62 блока и более 360 конкретных мер...».

В «Стратегии 2018-2024» определены цели и задачи: Целевые ориентиры, к которым в результате новаций должно прийти государство – рост ВВП с нынешних 1,6% до 4,2% в 2026 году и увеличение потребления домохозяйств с 2% до 4,1% к 2028 году.

Одним удвоением несырьевого экспорта к 2024 году, как предполагает программа ЦСР, в среднесрочной перспективе добиться заявленных темпов роста ВВП в 3,5-4% не удастся. Понадобится экспансия на новые рынки, для чего нужно развивать сотрудничество как со странами АТР, так и с ЕС. Необходимые условия для экспортного бума – либерализация валютного регулирования и отмена валютного контроля, упрощение административных процедур и помощь в оценке рисков для экспортеров, снятие ряда таможенных ограничений. Присоединение к Организации экономического сотрудничества и развития» (согласно данному документу планируется в 2024 году).

«Важным драйвером роста экономики на фоне сокращения трудоспособного населения станет рост производительности труда. Она должна вырасти втрое, если брать за основу показатели 2002 года. Этому будет способствовать технологический прорыв, который предполагается осуществлять за счет модернизации традиционных отраслей и запуска передовых производств. Планируется развивать такие секторы, как постуглеродная энергетика, биотехнологии, новая микроэлектроника, а также по возможности переходить на цифровые решения, позволяющие механизировать рутинный труд. Доля машин и оборудования в российском экспорте должна вырасти с 8,3% в 2016 году до 13% в 2024 году».

В «Стратегии 2018-2024» определены приоритеты: «Ключевым приоритетом программы Центра стратегических разработок (ЦСР) является акцент на развитии человеческого капитала, в частности, увеличение вложений в системы образование и здравоохранения, которые еще предстоит обновить. В комплексе с этими мерами идет повышение качества государственного управления и инвестиции в высокотехнологичный сектор...».

Главный приоритет социальной политики в программе ЦСР – снижение бедности. Предполагается увеличение страховой пенсии в реальном выражении к 2024 году на 30%, а коэффициент замещения пенсии к средней зарплате сохранится на текущем уровне в 34%. Программу материнского капитала предлагается расширить, разрешив малоимущим использовать средства на покрытие текущих расходов. Будет создана система региональных пособий для бедных семей с детьми. Благодаря этим мерам, уровень бедности семей с детьми через семь лет существенно сократится». Эта Стратегия предусматривает самоуправляющихся систем, особенно в субъектах Российской Федерации.

А.Л. Кудрин в телевизионном интервью утверждает: «Это меры чисто экономические, связанные с налогами, с бюджетами, с бюджетами субъектов, с полномочиями губернаторов, в том чтобы они свои полномочия и свои результаты тоже могли нарастить. Это широ-

кий спектр мер. От институциональных, до мер чисто экономического характера – распределения программ и денег по госпрограммам».

Создание экономических условий для институциональной эволюции власти, по мнению автора, является достижимой целью. Но снижение сроков создания этих условий зависит от внедрения современных технологий, в том числе информационных.

По мнению Ю.В. Ирхина, «переход к постиндустриальному обществу предполагает неизбежную трансформацию политических институтов и государственного управления с учетом требований информационной эпохи, глобализации. Для этого существуют определенные условия. Резко (примерно в 1,5 раза в год)» [Ирхин, www]. Это утверждение убедительно на фоне дискуссий о перспективах перехода к «цифровой экономике» информационного общества, при поддержке демократических институтов, то есть на завершении второго этапа демократического транзита.

Заключение

Итак, демократический транзит в России преодолел два этапа. Этап либерализации (1991–1999 гг.) и этап консолидации (2000–2017) Р. Далем, Д. Беллом и др. исследователями.

Но переход общества к третьей стадии демократического транзита – демократизации четко не обозначен. По двум причинам. Замечено, артикулируя успешности харизматического лидера в современной социально-политической реалии: замедление политических процессов, недостаточная структуризация общества (численность среднего класса едва превышает численность социальной прослойки), 15% россиян, проживающих за чертой бедности, по мнению автора, его окружение использует ресурсы власти на сохранение политического статус-кво, преследуя свои интересы, которые не совпадают с интересами общества. А формальный политический плюрализм не дает возможности для вхождения демократического транзита в стадию демократизации.

Транзит власти в процесс демократизации ускоряет деперсонафикацию власти особенно в условиях политической модернизации общества.

Но дело не в форме управления (демократическая или недемократическая), а в сути, принципе управления, в ее научной обеспеченности и мобильности. Сокращение аппарата управления, передача ряда управленческих функций «электронному правительству» это политические сюжеты, заложенные в стратегии развития. Но новая модель управления как качественно новый менеджмент присущ демократической форме правления, реальной в постиндустриальном обществе. Внутри демократического транзита неизбежен транзит власти (корпоративный, конкурентный, легитимный), характер которого зависит от электората.

Электоральное поведение современных акторов разнится по возрастным категориям и социальному статусу. Две трети россиян – бюджетники, наемные работники, занятые в различных отраслях экономики, индивидуальные предприниматели, пенсионеры, т.е. социаль-

ные группы и слои общества, ценящие политическую стабильность, «интернетная» молодежь, которая не спешит без осмысления скопировать модус-вивенди старших, составляет одну треть электората. Восстановление вертикали власти обеспечило политическую стабильность в постсоветском обществе. Тип власти предопределяет тип управления. Управление стратегическими процессами – это сложный тип управления со множеством система и подсистем, взаимодействие с центральным управлением, являющимся модератором, координатором и регулятором процесса. Поэтому, по мнению автора, вертикаль власти нуждается в активации горизонтальных структур, находящихся под контролем государственных структур, саморегулирующихся субъектов.

Современный подход в управлении стратегическими процессами, внедрение информационных технологий в систему управления, налаживание обратной связи между субъектом и объектом управления повышают качество управленческих решений и создают условия для демократической легитимации власти.

Библиография

1. Андерсон Морин, Бартлетт Кристофер А., Бучихи Хамид и др. Менеджмент XXI века. М.: ИМФРА, 2002. 448 с.
2. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление. М., 1988. 272 с.
3. Зеленков М.Ю. Политология. М.: Юридический институт МИИТа, 2009. 302 с.
4. Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) URL: http://ecsocman.hse.ru/data/760/836/1219/009_Irhin_73-82.pdf
5. Мау В.А., Кузьминов Я.И. (ред.) Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. М.: Дело, 2013. 430 с.
6. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты // Политология: Лексикон. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2007. С.123-134.
7. Норт Д. Институты. Институциональные изменения и функциональные экономики. URL: <https://proflib.com/chtenie/102154/duglas-nort-instituty-institutsionalnye-izmeneniya-i-funktsionirovanie-ekonomiki.php>
8. Тянь В.В. Региональная идентификация как фактор эффективности управленческих решений власти в контексте федерализма // Вестник Университета (ГУУ). 2014. № 21. С.318-325.
9. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003. 368 с.
10. Шевердяев С.Н. Теоретические основания моделирования системы государственной власти и особенности их конституционно-правового выражения. Современные проблемы организации публичной власти. М.: Юстицинформ, 2014. С. 29.

Democratic transit: preconditions, priorities, strategies (analysis of Russian experience)

Valentin V. Tyan

PhD in History, Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82-84, Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tian39@mail.ru

Abstract

The article examines the problems of democratic transit, analyzes Russian experience, and draws attention to the following circumstances in their logical connection: the preconditions for democratic transit, the absence of the desire to return to classical democracy in the society, the request for open, public power. In the USSR, an ideocratic state, mobilization or hybrid state management was legalized. Author's interpretation of democratic transit in the post-Soviet space is given in the article. Since 1991, the process of democratic transformation has begun in Russia. Democratic reforms of the 1990s were the first stage of democratic transit in Russia; 2000-2017 became the period of reception of the power vertical, developed in 2006-2007. The concept of long-term development in late 2011 called "Strategy 2020" described the implementation of administrative reforms, the second stage of democratic transit. The author substantiates the situation: the modern approach to managing strategic processes, the introduction of information technologies in the management system, and the establishment of feedback between the subject and the management object create conditions for the democratic legitimation of power. The modern approach to managing strategic processes, the introduction of information technologies in the management system and the establishment of feedback between the subject and the object of management enhance the quality of managerial decisions and create conditions for the democratic legitimation of power.

For citation

Tyan V.V. (2017) Demokraticeskii tranzit: predposylki, priority, strategii (analiz rossiiskogo opyta) [Democratic transit: preconditions, priorities, strategies (analysis of Russian experience)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (3A), pp. 171-185.

Keywords

Power, democratic transit, prerequisite, priority, strategy, Russian, management, model, experience, evolution.

References

1. Anderson M., Bartlett K.A., Buchikhi K. (2002) *Menedzhment 21 veka* [Management of 21 century]. Moscow: IMFRA Publ.
2. Gorbachev M.S. (1988) *Perestroika i novoe myshlenie* [Perestroika and new thinking]. Moscow.
3. Huntington S. (2003) *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka* [The Third Wave. Democratization in the late XX century]. Moscow: The Russian Political Encyclopedia.
4. Irkhin Yu.V. «Elektronnoe pravitel'stvo» i obshchestvo: mirovye realii i Rossiya (sravnitel'nyi analiz) ["E-government" and society: world realities and Russia (comparative analysis)] Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/760/836/1219/009_Irkhin_73-82.pdf [Accessed 05/052017]
5. Mau V.A., Kuz'minov Ya.I. (eds.) (2013) *Strategiya-2020: Novaya model' rosta – novaya sotsial'naya politika. Itogovyi doklad o rezul'tatakh ekspertnoi raboty po aktual'nyim problemam sotsial'no-ekonomicheskoi strategii Rossii na period do 2020 goda* [Strategy 2020: A new growth model is a new social policy. Final report on the results of expert work on topical issues of Russia's social and economic strategy for the period until 2020]. Moscow: Delo Publ.
6. Mel'vil' A.Yu. (2007) Demokraticheskie tranzity [Democratic Transits]. In: *Politologiya: Leksikon* [Political Science: Lexicon]. Moscow: The Russian Political Encyclopedia.
7. Nort D. *Instituty. Institutsional'nye izmeneniya i funktsional'nye ekonomiki* [Institutes. Institutional changes and functional economies]. Available at: <https://proflib.com/chtenie/102154/duglas-nort-instituty-institutsionalnye-izmeneniya-i-funktsionirovanie-ekonomiki.php> [Accessed 05/052017]
8. Tyan V.V. (2014) Regional'naya identifikatsiya kak faktor effektivnosti upravlencheskikh reshenii vlasti v kontekste federalizma [Regional identification as a factor of effectiveness of administrative decisions of power in the context of federalism]. *Vestnik Universiteta (GUU)* [Herald of SUU], 21, pp. 318-325.
9. Sheverdyayev S.N. (2014) *Teoreticheskie osnovaniya modelirovaniya sistemy gosudarstvennoi vlasti i osobennosti ikh konstitutsionno-pravovogo vyrazheniya. Sovremennye problemy organizatsii publichnoi vlasti* [Theoretical bases of modeling of system of the government and features of their konstitutsionno-legal expression. Modern problems of the organization of public power]. Moscow: Yustitsinform Publ.
10. Zelenkov M.Yu. (2009) *Politologiya* [Political science]. Moscow; Juridical institute of MIIT.